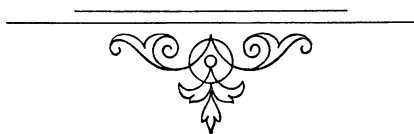


ЗАПИСКИ
КНЯЗЯ ТРУБЕЦКАГО



БЕРЛИНЪ.
Издание Гуго Штейница.
Шарлоттенштрассе 2.

Записки князя Трубецкаго.*)

Давно носилась молва, что покойный императоръ Александръ Павловичъ готовилъ наслѣдникомъ престола брата своего Николая Павловича, говорили что это сдѣлано съ согласія прямаго наслѣдника Константина Павловича, при женитьбѣ его на полькѣ Грудзинской; говорили, что Александръ сдѣлалъ духовную на этотъ случай; но никакого положительнаго свѣденія по этому предмету не было. Только въ прусскомъ придворномъ календарѣ на 1825 годъ, Николай Павловичъ былъ показанъ наслѣдникомъ російскаго престола

*) Сохранились въ черновомъ спискѣ, не получившемъ окончательной отдѣлки; этимъ объясняются многія въ нихъ повторенія и отрывочность тѣхъ разсказовъ, которые присоединены нами въ концѣ. Эти послѣдніе составляютъ отчасти родъ замѣтокъ на записки Штейнгеля.

по условію, заключенному при женитьбѣ Константина. Говорили, что императоръ изъявилъ за это обнародованіе неудовольствіе свое прусскому двору. Но все это, какъ обыкновенно бываетъ въ самодержавныхъ государствахъ, гдѣ всякое дѣйствіе правительства есть государственная тайна, было извѣстно только немногимъ и имѣло только небольшіе атголоски въ обществѣ.

Извѣстно, что императоръ Александръ Павловичъ скончался почти скоропостижно. Въ Петербургѣ узнали о кончинѣ его почти въ одно время какъ и о болѣзни. Первый курьеръ изъ Таганрога привезъ 24 Ноября извѣстіе о его болѣзни, третій 26 о его кончинѣ — въ самое то время, когда вся императорская фамилія служила молебень благодарственный за полученное имъ облегченіе, которое извѣстіе привезено было этотъ-же день по утру вторымъ курьеромъ, за нѣсколько часовъ до его кончины отправленнымъ. Молебень былъ прерванъ. Собрался государственный совѣтъ. Всѣ члены молчали. Уста тѣхъ, которыхъ голосъ привыкли слушать въ созвѣтѣ, сомкнулись. Голосъ одного графа Млорадовича былъ слышанъ; онъ пригласилъ

шалъ присягнутьъ законному наслѣднику Константину Павловичу. Князь Голицынъ требовалъ прочтенія духовной покойнаго государя. Графъ Милорадовичъ согласился, оговоря, что духовная эта не можетъ быть обязательствомъ ни для кого, и что прослушать ее можно только для того, чтобъ показать знакъ уваженія къ покойному. Духовная принесена и прочтена для свѣденія. Члены встали и пошли объявить великому князю Николаю Павловичу, что должно присягнутьъ Константину; вмѣстѣ съ нимъ пошли къ Марьѣ Ѳеодоровнѣ, а оттуда въ придворную церковь для принесенія присяги.

Графъ Милорадовичъ, какъ петербургскій военный губернаторъ, приказалъ коменданту послать приказъ по караульнымъ постамъ, чтобъ караулы были тотчасъ приведены къ присягѣ Константину. Между тѣмъ поставили наложъ для присяги внутренняго караула бывшаго отъ 1-го баталліона преображенскаго полка. По отвѣтѣ на вопросъ о причинахъ этого приготовленія главной гренадеръ вышелъ и сказалъ, что они даже и о болѣзни государя не слыхали и оказывалъ съ прочими гренадерами недовѣрчивость къ справедливо-

сти извѣстія о смерти его величества. Никто изъ генераловъ не могъ убѣдить ихъ въ истинѣ кончины, доколѣ не пришелъ великій князь Николай Павловичъ и не объявилъ, что онъ самъ присягнулъ уже новому государю Константину Павловичу. Тогда караульные гренадеры согласились принять присягу.

Сенаторы присягнули по изустному объявленію о кончинѣ, сдѣланному министромъ юстиціи (княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ). О запечатанномъ конвертѣ, отданномъ покойнымъ государемъ для сохраненія въ сенатѣ съ тѣмъ, чтобъ, не приступая ни къ чему послѣ его смерти, сначала распечатать его и прочесть въ полномъ собраніи, не было даже и спроса. На вопросъ министру одного изъ оберъ-прокуроровъ его превосходительство приказалъ прислать конвертъ къ нему на домъ.

Общая присяга послѣдовала по напечатаніи о томъ сенатскаго указа. Возвратясь въ свой дворецъ, великій князь Николай Павловичъ послалъ за бывшимъ въ отставку д. с. совѣтникомъ Опочининымъ и просилъ его съѣздить къ Константину Павловичу и напомнить ему, что онъ самъ добровольно предъ своей

женитьбой еще въ 1822 году отказывался отъ наслѣдованія престола; нѣсколько часовъ держалъ его у себя и только вечеромъ отпустилъ, снабдивъ его письмами — съ тѣмъ, чтобъ онъ немедленно отправился. Опочининъ уѣхалъ въ ночь. Великій князь прислалъ удостовѣриться, точно-ли онъ уѣхалъ? На другой день вечеромъ Опочининъ возвратился съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, котораго онъ встрѣтилъ ѣдущаго изъ Варшавы, узнавъ, что въ Царствѣ Польскомъ Константинъ не приводилъ никого къ присягѣ и въ томъ день, когда получилъ извѣстіе о смерти императора, заперся и видѣть никого не хотѣлъ. Опочининъ вновь былъ чрезъ нѣсколько часовъ отправленъ съ новымъ письмами, и возвратился уже по присягѣ Николаю Павловичу.

На письма, отправленные съ Опочининымъ, Константинъ Павловичъ не сдѣлалъ никакого отвѣта, который могъ-бы послужить для народа доказательствомъ, что онъ добровольно отказывается отъ престола и уступаетъ его ближайшему по себѣ наслѣднику. Говорили, что отвѣтъ, которымъ онъ предоставлялъ престолъ на волю желающаго, былъ

написанъ въ самыхъ неприличныхъ выраженіяхъ, что нѣсколько подтверждается тѣмъ, что онъ не былъ напечатанъ при манифестѣ, которымъ Николай объявлялъ о своемъ вступленіи на престолъ; должны были удостовѣриться напечатаніемъ писемъ Константина Павловича къ покойному императору, писанныхъ въ 1822 году во время женитьбы его на княгинѣ Ловичской.

Время междуцарствія продолжалось ровно двѣ недѣли. Никакой другой случай не могъ быть благопріятнѣе для приведенія въ исполненіе намѣренія Тайнаго Общества, еслибъ оно было довольно сильно для приведенія въ дѣйствіе своихъ предположеній. Но члены его были разсыяны по большому пространству обширной Россійской имперіи; другіе были за границей. Столица, гдѣ должно было происходить главное дѣйствіе, заключала небольшое число членовъ. Не смотря на то, бывшіе въ ней члены положили воспользоваться предстоящимъ случаемъ, особенно когда въ мыслящей публикѣ поселилось ожиданіе, что Константинъ Павловичъ не приметъ слѣдующаго ему наслѣдія престола. Причины, побудившія ихъ восполь-

зоваться предстоящимъ случаемъ, были слѣдующія:

1. Въ Россіи никогда не бывало примѣра, чтобъ законный наслѣдникъ престола добровольно отъ него отказывался, и должно было предполагать, что съ трудомъ повѣрять такому отказу.

2. Молодыхъ великихъ князей не любили, особенно военные. Только нѣкоторая часть двора предпочитала имѣть императоромъ Николая; придворныя дамы находили, что для нихъ низко будетъ имѣть незнатнаго даже рода полку — императрицею.

3. Во всѣхъ домахъ, принадлежавшихъ къ знатнѣйшему обществу столицы, изъяснялось негодованіе на странное положеніе, въ которомъ находилось государство. Однакожъ никто изъ этихъ лицъ не возвысилъ своего голоса въ эти дни, въ которые отозвался-бы ему сильный отголосокъ. Недостатокъ ли духа, или любви къ отечеству, или попеченіе о собственныхъ выгодахъ замкнули уста, только никто не смѣлъ выразить мысли о возможности и надобности улучшить государственныя постановленія. Негодованіе высшаго круга столицы изъяснялось одними плоскими

насмѣшками. Были заклады кому достанется престолъ; спрашивали: „продадутся или нѣтъ бараны?“ смѣялись надъ тѣмъ, что отъ сената посланъ былъ къ императору Константину съ объявленіемъ о принесенной ему присягѣ чиновникъ, бывшій за оберъ-прокурорскимъ столомъ, извѣстный, какъ картежный игрокъ, хорошо передергивавшій карты; и это обстоятельство примѣняли съ насмѣшками тогдашнему случаю.

4. Наконецъ, члены Тайнаго Общества увѣрены были въ содѣйствіи нѣкоторыхъ изъ высшихъ сановниковъ государства, которые, опасаясь дѣйствовать явно, когда еще общество не оказало своей силы, явились-бы готовыми пристать, какъ скоро увидѣли бы, что достаточная военная сила можетъ поддержать ихъ.

Первое дѣйствіе Тайнаго Общества было увѣрится, что всѣ его члены будутъ равно усердно содѣйствовать общей его цѣли. Но здѣсь оказалось тоже, что обыкновенно оказывается во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ. Многіе члены вступили въ общество, когда еще конечное его дѣйствіе представлялось въ неизвестной дали. Будучи его членами,

они знали, что будутъ всегда поддержаны имъ, и что это могло способствовать ихъ возвышенію. Теперь они достигли уже извѣстной степени, и когда открывались новыя обязательства, они не видѣли пользы для себя дѣйствовать сообразно видамъ такого общества, гдѣ члены, не имѣя никакой личной цѣли, стремились жертвовать собою единственно для блага своего отечества *). Многие, бывшіе ревностными членами въ молодости, охладѣли съ лѣтами. Теперь предстояло дѣйствіе рѣшительное, которое съ одной стороны въ случаѣ успѣха не представляло личныхъ выгодъ, съ другой стороны въ случаѣ неуспѣха грозило гибелью. Выгоднѣе было поддержать имѣющаго на-

*) Многие изъ оставшихся въ Россіи членовъ Общества занимали послѣ и нынѣ еще занимаютъ важныя должности въ государствѣ: Граббе, г.-а. командовалъ на кавказской линіи дивизіей; Гурко замѣнилъ его и послѣ былъ начальникомъ штаба кавказскаго корпуса, нынѣ тожъ запасныхъ войскъ; князь Михаилъ Горчаковъ начальникомъ штабовъ дѣйствующей арміи; Николай Николаевичъ Муравьевъ, командовалъ корпусомъ; Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, сенаторъ; Петръ Колошинъ, начальникъ департамента; Илья Би-

дежду получить престолъ и повергнуть себя и всѣ свои способности и средства передъ стопами того, отъ кого можно было надѣяться награды и которому всѣ предположенія обѣщали успѣхъ.

Общество видѣло себя ослабленнымъ черезъ отступленіе такихъ членовъ, которые непременно сдѣлали бы значительный перевѣсъ по той власти, которую чины, занимаемые ими въ рядахъ гвардіи, предоставили въ ихъ руки. Но въ тоже время оно видѣло, что большая часть офицеровъ гвардіи не вѣрила возможности отрѣченія Константина; нелюбовь ихъ къ молодымъ великимъ князьямъ явно оказывалась въ ихъ разговорахъ, и они, которымъ Общество открыло свои намѣренія, съ востор-

биковъ, при великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ; Ковелинъ, военный генераль-губернаторъ въ Петербургѣ; Л. В. Перовскій, министръ внутреннихъ дѣлъ; князь Меншиковъ, членъ общества русскихъ рыцарей, начальникъ штаба морскаго; Вальховской, начальникъ штаба въ Грузіи; Литке, наставникъ великаго князя Константина Николаевича. Не помню другихъ, менѣе значительныя должности занимавшихъ: также не считаемъ Шипова, Ростовцева, Моллера, измѣнившихъ Обществу и князя Долгорукова отступившаго изъ страха.

гомъ оказали готовность дѣйствовать подъ его руководствомъ. Всѣ эти офицеры были люди молодые; никто изъ нихъ не былъ чиномъ выше ротнаго командира.

Надобно было найти извѣстнаго гвардейскимъ солдатамъ штабъ-офицера для замѣщенія передавшихся на сторону власти баталіонныхъ и полковыхъ командировъ. Этотъ начальникъ нуженъ былъ только для самаго перваго начала, чтобъ принять начальство надъ собравшимися войсками. Былъ въ столицѣ полковникъ Булатовъ, который недавно перешелъ изъ лейбъ-гренадерскаго полка въ армію; его помнили и любили лейбъ-гренадеры, а это былъ одинъ изъ полковъ, на который болѣе надѣялись. Булатовъ согласился принять начальство надъ войсками, которыя соберутся на сборномъ мѣстѣ.

Между тѣмъ стало извѣстнымъ, что императоръ Константинъ самъ не ѣдетъ и не хочетъ дать отъ себя манифеста о своемъ отрѣченіи и передачѣ престола Николаю Павловичу — обстоятельство очень затруднительное для послѣдняго. Надобно издать манифестъ отъ собственнаго лица; но какимъ образомъ убѣдить въ истинѣ отрѣченія и на какомъ

правѣ основать свое вступленіе? не будетъ-ли оно имѣть всѣхъ признаковъ похищенія? Издать манифестъ именемъ сената было-бы дѣйствіе самое законное и самое народное, потому что народъ привыкъ получать всѣ указы изъ сената; находили однако, что это было бы предоставить сенату такую власть, которая принадлежитъ одному только императору, а такой примѣръ могъ служить на будущее время поводомъ сенату распоряжаться и самою верховною властію по своему усмотрѣнію. Въ такихъ обстоятельствахъ рѣшились издать манифестъ отъ лица императора, принимающаго престолъ, и обнародовать письма Константина Павловича къ покойному императору, начать присягу съ военной силы и обязать гвардейскихъ полковыхъ командировъ личною отвѣтственностію, если они не сѣумѣютъ преодолѣть ожиданнаго упорства подчиненныхъ имъ полковъ. Графъ Милорадовичъ, убѣдившій Николая въ необходимости предоставить престолъ законному наслѣднику, видя странное дѣйствіе Константина, рѣшился теперь содѣйствовать къ преодолѣнію препятствій о провозглашеніи Николая императоромъ.

Тайное Общество, хорошо извѣщенное о всѣхъ дѣйствіяхъ великаго князя и всего военного начальства, а также о мысляхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, проявлявшихся въ ихъ разговорахъ, распорядило дѣйствія свои сообразно этимъ свѣденіямъ. Оно знало, что трудно будетъ, или даже и совсѣмъ невозможно увѣрить всѣхъ нижнихъ чиновъ и многихъ офицеровъ, чтобы Константинъ Павловичъ произвольно отказался отъ престола; даже въ народѣ признавали законнымъ (наслѣдникомъ) не Николая, а Михаила, какъ родившагося въ то время, какъ отецъ его былъ императоромъ. Одна привычка къ безусловному повиновенію и насильство могли заставить солдатъ присягнуть по требованію ихъ начальниковъ; а такъ какъ начальники полковъ бѣльшею частію были мало любимы подчиненными и не имѣли ихъ довѣренности, то легко было поколебать ихъ повиновеніе. Дѣйствительно, когда по утру 14-го Декабря выведены были въ полкахъ люди для присяги, то вообще они оказали недоумѣніе и нерѣшительность, которая при первыхъ словахъ офицеровъ, изъявившихъ сомнѣніе касательно законности требуемой присяги, обратилось

въ явное упорство. Русскій солдатъ такъ однакожъ привыкъ къ слѣпому повиновенію, что бѣольшая часть начальниковъ успѣли удержатъ своихъ подчиненныхъ. Но Фридериксъ и Стюрлеръ, бывшіе болѣе прочихъ нелюбимы, и Карцовъ, не имѣвшій на какого уваженія подчиненныхъ, не могли удержатъ ввѣренныхъ ихъ начальству.

Извѣстно, что высшее военное начальство привыкло почитать русскаго солдата болваномъ, который поварачивается и идетъ туда, куда его направитъ начальникъ. Однакожъ графъ Милорадовичъ, собиравшій въ продолженіи всего времени междуцарствія свѣдѣнія о духѣ и расположеніи солдатъ и офицеровъ, убѣдился, что не легко будетъ заставить ихъ присягнуть посредствомъ манифеста, изданнаго отъ имени того лица, которое желаетъ востѣсть на престолъ. Графъ тщетно добивался, чтобъ этотъ манифестъ былъ изданъ тѣмъ императоромъ, которому уже присягнули, и только въ такомъ случаѣ обѣщаль, что порядокъ въ столицѣ не будетъ нарушенъ. Сомнѣнія графа поколебали увѣренность Николая тѣмъ болѣе, что и онъ съ своей стороны отъ приверженцевъ своихъ былъ предваренъ о

расположеніи гвардіи и о существованіи Тайнаго Общества, намѣревавшагося воспользо-ваться этимъ расположеніемъ (письма Ростовцева). Въ ночь съ 13-го на 14-ое число полковой командиръ преображенскаго полка старался привлечь свой полкъ на сторону Николая Павловича. Это казалось тѣмъ необходимое, что гренадерской взводъ роты его величества изъясилъ уже наклонность къ сомнѣнію, въ бытность свою во внутреннемъ караулѣ въ день присяги. Кромѣ обѣщаній, роздана была большая сумма денегъ (изъ артельныхъ), и поутру когда выведенъ былъ 1-й баталліонъ, и Николай Павловичъ подѣхавъ спросилъ рядовыхъ: хотятъ-ли они его своимъ государемъ? они отвѣчали утвердительно. Тогда онъ приказалъ зарядить ружья и идти за нимъ.

Происшествія 14-го числа и послѣдующихъ дней извѣстны. Казематовъ петропавловской крѣпости не достало для помѣщенія всѣхъ арестованныхъ, взятыхъ въ столицѣ и привезенныхъ со всѣхъ сторонъ обширной Россійской имперіи. Военное сопротивленіе преодолено и вся знать, всѣ государственные чины и верховныя правительственныя мѣста без-

условно признали возсѣвшаго на російскомъ престолѣ. Никто не осмѣлился изъяснить мнѣнія, что неправильность принятія въ новыя руки скипетра могла быть причиною бывшаго сопротивленія. Все приписано было злонамѣренію Тайнаго Общества, и члены его, также и прочія лица, участвовавшія въ происшествіяхъ сихъ дней, преданы были суду, какъ злоумышленники и ослушники законной власти.

Всѣ нижныя чины, схваченные на мѣстѣ битвы, были заключены въ петропавловской крѣпости. Всѣ прочія лица приводились во дворецъ, и новый императоръ самъ всѣхъ допрашивалъ. На многихъ гнѣвъ его выражался ругательствомъ. Князь Оболенской былъ приведенъ съ связанными руками; императоръ обругалъ его, и обратившись къ стоящимъ генераламъ, сказалъ: „вы не можете вообразить, что я терпѣлъ отъ него!“ Князь Оболенской былъ старшимъ адъютантомъ въ дежурствѣ гвардейской пѣхоты, а Николай Павловичъ, какъ великій князь, командовалъ одной изъ дивизій гвардейской пѣхоты.

Многіе вѣрноподданные сами поспѣшали привозить къ императору ближайшихъ своихъ

родственниковъ, не дожидаясь, чтобъ приказано было ихъ взять. Такъ Д. С. Ланской не позволилъ родному племяннику жены своей князю Одоевскому никакой попытки къ избѣжанію ожидавшей его участи, и не давъ ему ни отдохнуть, ни перекусить, повезъ во дворецъ. Супруга Ланскаго наслѣдовала 2,000 душъ отъ князя Одоевскаго по произнесеніи надъ нимъ приговора. Были однакожь лица, оказавшія состраданіе и человѣколюбіе: капитанъ-лейтенантъ Николай Бестужевъ, укрываясь отъ преслѣдованія, вошелъ въ незнакомый ему домъ, и пройдя рядъ пустыхъ комнатъ, очутился въ кабинетѣ одного знатнаго пожилаго человѣка. Удивленный неожиданнымъ явленіемъ Н. спросилъ Бестужева: чего онъ хочетъ? и узнавъ отъ него, что онъ скрывается и голоденъ, заперъ его въ кабинетѣ, самъ принесъ ему закусить, предложилъ денегъ и сказалъ, что скрыть его у себя не можетъ, потому что имѣетъ сына въ гвардіи, который непременно его выдастъ, но проводить его самъ изъ дому скрытно. Во время разговора слышали въ ближней комнатѣ голосъ сына, воротившагося съ нѣсколькими другими офицерами и рѣзко изъяслявшаго

свое мнѣніе противъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ сей день; старикъ не медля вывелъ Бестужева, который успѣлъ уѣхать въ Кронштадтъ.

Многіе бѣжавшіе съ площади нижніе чины и офицеры скрывались въ домѣ тещи моей, и онъ былъ окруженъ съ обѣихъ сторонъ. Сестра тещи моей, княгиня Бѣлосельская предложила ей ночлегъ въ своемъ домѣ, а сестра жены моей графиня М. предложила въ своемъ женѣ моей и мнѣ. Это послѣ причтено мнѣ было въ намѣреніе укрыться въ домѣ иностраннаго посланника. Ночью съ 14-го на 15-ое число г. Ланской приходитъ меня будить и говорить, что императоръ меня требуетъ. Я одѣвшись вошелъ къ нему въ кабинетъ и нашелъ у него графа Нессельроде въ полномъ мундирѣ, шурина его графа Александра Гурьева, который пришелъ изъ любопытства и съ которымъ мы размѣнялись пожатіемъ руки, и флигель-адъютанта князя Андрея Михайловича Голицына, который объявилъ мнѣ, что императоръ меня требуетъ. Я сѣлъ съ нимъ въ сани, и когда приѣхали во дворецъ, онъ въ прихожей сказалъ мнѣ, что императоръ приказалъ ему потребовать

у меня шпагу; я отдалъ, и онъ повелъ меня въ генераль-адъютантскую комнату, а самъ пошелъ доложить. У каждой двери стоялъ по трое часовыхъ; вездѣ около дворца и по улицамъ, къ нему ведущимъ, стояло войско и были разведены большіе огни. Меня позвали. Императоръ пришелъ ко мнѣ на встрѣчу въ полной формѣ и лентѣ, и поднявъ указательный палецъ правой руки прямо противъ моего лба сказалъ: „что было въ этой головѣ, когда вы съ вашимъ именемъ, съ вашей фамиліею, вошли въ такое дѣло? Гвардіи полковникъ! князь Трубецкой! какъ вамъ не стыдно быть вмѣстѣ съ такою дрянью? Ваша участь будетъ ужасная!“ и обратившись къ генералу Толю, который одинъ былъ въ комнатѣ, сказалъ: „прочтите!“ Толь выбралъ изъ бумагъ, лежавшихъ на столѣ одинъ листъ и прочелъ въ немъ показаніе, что бывшее происшествіе есть дѣло общества, которое, кромѣ членовъ въ Петербургѣ, имѣетъ еще большую отрасль въ 4-мъ корпусѣ и что дежурный штабъ офицеръ этого корпуса, лейбъ-гвардіи преображенскаго полка полковникъ князь Трубецкой, находящійся теперь въ Петербургѣ, можетъ дать полное свѣденіе о по-

мянутомъ обществѣ. Когда онъ прочелъ, императоръ спросилъ: „это Пущина?“ —
Толь: „Пущина“. Я: Г. Пущинъ ошибается
. . . Толь: А! вы думаете это Пущинъ. —
А гдѣ Пущинъ живетъ?

Я видѣлъ, что почеркъ не Пущина, но думалъ, что повторивъ имя его, можетъ быть, назовутъ мнѣ показателя.

На вопросъ Толя я отвѣчалъ: „не знаю“.

Толь. У отца-ли онъ теперь?

Я. Не знаю.

Толь. Я всегда говорилъ покойному государю, ваше величество, что 4-ой корпусъ гнѣздо тайнаго общества, и почти всѣ полковые командиры къ нему принадлежатъ; но государю не угодно было вѣрить.

Я. Ваше превосходительство, имѣете очень невѣрные свѣденія.

Толь: Ужь вы не говорите, я это знаю!

Я. Послѣдствія докажутъ, что ваше превосходительство ошибаетесь. Въ 4-мъ корпусѣ нѣтъ никакого тайнаго общества; я за это отвѣчаю.

Императоръ прервалъ нашъ споръ, подавъ мнѣ листъ бумаги и сказавъ: „пишите показаніе“ и показавъ мнѣ мѣсто на диванѣ, на

которомъ сидѣлъ и съ котораго теперь всталъ. Прежде, нежели я сѣлъ, императоръ началъ опять разговоръ: „Какая фамилія! Князь Трубецкой! Гвардіи полковникъ! и въ такомъ дѣлѣ! Какая милая жена! Вы погубили жену. Есть у васъ дѣти?“ Я: нѣтъ . . .

И м п е р а т о р ъ , прерывая: „Вы счастливы, что у васъ нѣтъ дѣтей. Ваша участь будетъ ужасная! ужасная!“—И продолжавъ нѣкоторое время въ этомъ тонѣ, заключилъ: „пишите все что знаете“ и ушелъ въ другой кабинетъ. Я остался одинъ, видѣлъ себя въ положеніи очень трудномъ. Не хотѣлъ скрывать принадлежности своей къ Тайному Обществу, что и не привело-бы ни къ чему доброму, потому что ясно было изъ прочтеннаго мнѣ и многихъ исписанныхъ разными почерками листовъ, что болѣе извѣстно, нежели-бы я желалъ. Но между тѣмъ я не хотѣлъ имѣть возможность упрекать себя, что я кого бы то ни было назвалъ. И потому я въ своемъ отвѣтѣ написалъ, что принадлежу къ Тайному Обществу, которое имѣло цѣлію улучшение правительства; что обстоятельства, послѣдовавшія за смертію покойнаго императора, казались Обществу благопріятными къ испол-

ненію намѣреній его, и что оно, предпринявъ дѣйствіе, избрало меня директоромъ; но что я наконецъ увидя, что болѣе нужно мое имя, нежеди лицо и распоряженіе, совершенно удалился отъ участія*).

Пока я писалъ, вошелъ, Михаилъ Павловичъ и подошелъ ко мнѣ; постоялъ противъ меня и отошелъ. Между тѣмъ приводились другія лица, которыхъ спрашивалъ Толь и которыхъ потомъ выводили. Входилъ императоръ для допросовъ и уходилъ обратно.

Когда я окончилъ писать, подалъ листъ вошедшему Толю. Онъ унесъ его къ императору. Нѣсколько погодя, Толь позвалъ меня въ другой кабинетъ. Я едва переступилъ за дверь, императоръ на встрѣчу въ сильномъ гнѣвѣ: „экъ! что на себя нагородили, а того, что надобно, не сказали.“ И скорыми шагами отойдя къ столу, взявъ на немъ четвертку листа поспѣшно, подошелъ ко мнѣ и показавъ: „это что? это ваша рука?“ Я. Моя. Императоръ, крича: Вы знаете, что я могу васъ сейчасъ разстрѣлять.

*) Этой уверткой я надѣялся отсрочить дальнѣйшіе вопросы, къ которымъ не былъ приготовленъ.

Я, сжавъ руки и также громко: Разстрѣляйте государь! вы имѣете право. Императоръ, также громко: Не хочу! Я хочу, чтобъ судьба ваша была ужасная.

Выпихавъ меня своимъ подходомъ въ передній кабинетъ, повторялъ тоже нѣсколько разъ, понижая голосъ; отдалъ Толю бумаги и велѣлъ приложить къ дѣлу, а мнѣ опять началъ говорить о моемъ родѣ, о достоинствахъ моей жены, о ужасной судьбѣ, которая меня ожидаетъ, — и уже все это жалобнымъ голосомъ. Наконецъ подведя меня къ тому столу, на которомъ я писалъ, и подавъ мнѣ лоскутокъ бумаги, сказалъ: „Пишите къ вашей женѣ.“ Я сѣлъ, онъ стоялъ. Я началъ писать: „Другъ мой, будь спокойна и молись Богу“ . . . Императоръ прервалъ: „что тутъ много писать! напишите только: „я буду живъ и здоровъ.“ Я написалъ: „Государь стоитъ возлѣ меня и велитъ написать, что я живъ и здоровъ.“ Я подалъ ему; онъ прочелъ и сказалъ: „я живъ и здоровъ буду, припишите буду вверху.“ Я исполнилъ; онъ взялъ и велѣлъ мнѣ идти за Толемъ. Толь, выведя меня, передалъ тому-же князю Голицыну, который меня привезъ и который те-

перъ, взявъ конвой кавалергардовъ отвезъ меня въ петропавловскую крѣпость и передалъ коменданту Сукину. Шубу мою во дворцѣ украли и мнѣ саперный полковникъ далъ свою шинель на ватѣ доѣхать до крѣпости.

Здѣсь я нѣсколько часовъ дожидался сначала въ залѣ, потомъ въ домовой церкви — до тѣхъ поръ, какъ отвели меня въ № 7 Алексѣевского рavelина. Въ церквѣ я горячо помолился, особенно при мысли, что, можетъ быть я болѣе никогда уже не буду въ храмѣ Божіемъ.

Когда меня привели въ назначенный мнѣ номеръ рavelина, велѣли раздѣться, и оставя на мнѣ только рубашку, портки и чулки, подали халатъ и короткіе туфли, которые чрезъ нѣсколько дней перемѣнили на большія изорванные. Окно мое не было замазано подобно другимъ окнамъ: причины тому я никогда не могъ узнать. Окошечко въ дверяхъ, завѣшанное снаружи, давало возможность видѣть меня во всякое время, а мнѣ воспрещало видѣть, что дѣлается въ корридорѣ. На ночь горѣла на окнѣ лампада, которую зажигали, какъ скоро погасала. Мебель состояла изъ очень жесткой постели, маленькаго столика,

стула и судна. Вечеромъ подавали свѣчу и щипцы, у которыхъ обломанъ былъ кончикъ; ножей и вилокъ не давали, посуда была оловянная. Чрезъ нѣсколькодней жена моя прислала мнѣ бѣля имнѣ давали его въ перемѣну. Осматривали пристально, чтобъ не было ничего остроконечнаго, даже булавки. Пищу давали: поутру чай съ бѣлой булкой, обѣдать супъ или щи, говядину и кашу или картофель; вечеромъ чай и ужинъ.

Въ теченіи первыхъ не менѣе какъ шести недѣль по ночамъ будили насъ громкимъ стукомъ въ коридорѣ; на вопросы о стукѣ не давали отвѣта и вообще всѣ вопросы почти всегда оставались безъ отвѣта, или отвѣтъ былъ: не знаю, не слыхалъ и т. п. Въ теченіи дня и по вечерамъ прислужники подкрадывались тихонько въ валенкахъ или чемъ подобномъ, чтобъ не было слышно ихъ шаговъ, и украдкой посматривали въ дверное окно. Случалось сначала довольно часто слышать и деревяшку коменданта, сопровождавшую ноги, обутия въ сапоги и шпоры, и голоса, между которыми многіе полагали „похожій на голосъ императора“. Однажды я довольно внятно слышалъ, какъ Сукинъ съ

уваженіемъ отвѣчалъ на вопросы и называлъ номера и сидящихъ въ нихъ.

17-го вечеромъ пришелъ за мной плацъ-адъютантъ и принесли мнѣ мой мундиръ. Я одѣлся и меня отвели въ домъ коменданта, гдѣ я нашелъ генерала Левашова. Дорогой я, будучи въ одномъ мундирѣ, жестоко озябъ, и кажется Левашовъ принялъ дрожь мою за трусость, потому что онъ спросилъ меня, отчего я дрожу? Сказавъ мнѣ по-французски, что онъ присланъ отъ императора распросить меня онъ прибавилъ: *Ah, mon Prince! vous avez fait bien du mal à la Russie, vous l'avez reculée de cinquante ans.*)* Потомъ онъ сталъ спрашивать меня о составѣ и образованіи южнаго общества. На отвѣтъ мой, что я не могу ему дать никакихъ о томъ свѣдѣній, потому что самъ ихъ не имѣю, онъ мнѣ прочелъ многія подробности, изъ которыхъ я къ удивленію увидѣлъ, что извѣстенъ весь составъ и всѣ лица. (Я не зналъ, что Майборода сдѣлалъ свой доносъ).

Вы, генералъ, гораздо больше знаете, не-

*) Ахъ князь! вы сдѣлали много зла Россіи, вы ее отодвинули назадъ за пятьдесятъ лѣтъ.

жели я; почти все, что вы мнѣ читали, для меня ново.

Онъ. Это не можетъ быть; вы только не хотите сказать.

Я. Еслибъ я желалъ, то ничего не могу вамъ сказать, потому что ничего этого не знаю.

Онъ. Вы были на Югѣ и вы видѣлись съ Пестелемъ.

Я. Нѣтъ, я Пестеля не видалъ уже нѣсколько лѣтъ. Могу-ли я объ немъ теперь спросить?

Онъ. Онъ арестованъ. Если вы не хотите мнѣ отвѣчать, то вы можете писать прямо къ государю.

Спросивъ меня: принадлежитъ-ли къ Обществу полковникъ И. М. Бибиловъ и получивъ отъ меня отрицательный отвѣтъ, генералъ Левашовъ меня отпустилъ.

Мнѣ показалось, что генералъ Левашовъ не очень повѣрилъ утверждению моему о непринадлежности Бибилова къ Тайному Обществу, и потому возвратившись въ номеръ, я спросилъ листъ почтовой бумаги, перо и чернилицу и написалъ къ Левашову письмо, въ которомъ положительно утверждалъ, что Би-

биковъ не принадлежалъ къ Тайному Обществу и ничего не зналъ ни о существованіи его, ни о 14-мъ числѣ.

Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней пришелъ ко мнѣ смотритель равелина (старикъ Лиліен-анкоръ) съ большимъ конвертомъ въ рукѣ и спросилъ меня: писалъ-ли я къ государю? На отрицательной мой отвѣтъ сказалъ, что кто-то писалъ изъ равелина и что вѣроятно онъ ошибся номеромъ, и вышелъ.

23-го вечеромъ приходилъ за мной плацъ-адъютантъ. Я одѣлся; меня повезли въ домъ коменданта. Войдя въ комнату, я нашелъ сидящихъ за столомъ: въ головѣ военнаго министра Татищева, по правую его руку великаго князя Михаила Павловича, по лѣвую князя А. Н. Голицына, возлѣ нихъ Г. А. Голенищева-Кутузова, Бенкендорфа, Левашова, флигель - адъютанта полковника Адлерберга и 5-го класса Боровкова. Начались вопросы о 14-мъ числѣ, о цѣли его и о средствахъ достиженія цѣли. Я отвѣчалъ, что цѣль была доставить Россіи правильное правленіе, воспользовавшись обстоятельствами небывалыми въ Россіи; что мы увѣрены были, что войско не повѣритъ манифесту, который

не будетъ изданъ отъ лица государя, которому присягали, и упорство войска принести присягу хотѣли обратить къ произведенію въ законоположеніи тѣхъ перемѣнъ, которыя избавили-бы отечество наше на будущее время отъ переворотовъ, подобныхъ французской революціи; что когда сопротивленіе оказалось-бы довольно сильное, то вѣроятно власть вступила-бы съ нами въ переговоры, и тогда мы могли-бы отечеству своему доставить то, чего желали.

Великій князь. Кто вступилъ-бы съ вами въ переговоры?

Я. Государь.

Великій князь (съ гнѣвомъ). Съ вами? съ бунтовщиками!! Это дѣло иностранное. На площади былъ князь Шварценбергъ, отъ австрійскаго посольства.

Я. Мы не допустили-бы никакого иностранца вмѣшаться въ наше дѣло. Оно должно было быть совершенно русское.

Великій князь. Какъ зовутъ секретаря графа Лебцельтерна?

Я. Ихъ нѣсколько.

Великій князь. Son secrétaire particulier?

Я. Я не знаю его имя.

Великій князь. Какъ вы не знаете? . . .
Slumlauer.

Я. Онъ не частный секретарь, онъ секретарь посольства.

Великій князь. Все равно.

Продержавъ меня довольно долго, отпустили. Выходя въ другую комнату, я увидѣлъ, что поспѣшно накинули кому-то, не большаго роста, на голову мѣшокъ, чтобъ я не узналъ.

24-го вечеромъ опять потребовали меня, и я нашелъ тоже собраніе. Сегодня вопросы были многочисленнѣе; два, три человѣка спрашивали разныя вещи въ одно время съ насмѣшками, колкостями, почти ругательствами, одинъ противъ другаго на-перерывъ. Я наконецъ сказалъ: „Господа, я не могу отвѣчать всѣмъ вмѣстѣ; каждый спрашиваетъ разное. Извольте спрашивать меня по порядку, и тогда я буду отвѣчать.“

Г. А. Голенищевъ-Кутузовъ (съ громкимъ хохотомъ). Нѣтъ, эдакъ лучше, скорѣй собьется!

Я. Надѣюсь, что не доставлю этого удовольствія вашему превосходительству. Я повторяю, что не могу отвѣчать, когда меня

такъ спрашиваютъ, какъ теперь. Всѣ говорятъ вмѣстѣ на-перерывъ. Напали на меня, какъ на бѣшеную собаку. Вы требуете отвѣта о бывшемъ за нѣсколько лѣтъ. Можно ли все припомнить въ одну минуту? Если вамъ угодно имѣть отъ меня отвѣты, задайте мнѣ писанные вопросы, и тогда я буду отвѣчать.

Почти всѣ. Вотъ еще! Отвѣчайте словесно.

Я. Я не могу отвѣчать.

В. К. Требованіе князя Трубецкаго справедливо. Задайте ему письменные вопросы и пошлите ихъ къ нему, чтобъ онъ письменно отвѣчалъ.

Члены согласились. Всѣ встали. К. Голицынъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: „Государь вами очень недоволенъ. Вы не хотите ничего отвѣчать. Государю ваши отвѣты не нужны для узнанія дѣла; все уже извѣстно. Онъ желаетъ видѣть только вашу откровенность, и что вы чувствуете милости его. Не заставьте принять съ вами непріятныхъ для васъ мѣръ.“

Я. Я уже сказалъ государю въ первый день все, что касается моего участія, и готовъ

пополнить все, что угодно будетъ еще спросить. Но согласитесь ваше сіятельство, что я не могу быть донощикомъ.

Подошелъ военный министръ и плачущимъ тономъ сталъ уговаривать меня, чтобъ я все открылъ.

Наконецъ меня отпустили, продержавъ очень долго. Я пришелъ въ свой номеръ въ совершенномъ изнеможеніи и сталъ харкать кровью.

На другой день Р. Х. я былъ боленъ. Присланы вопросные пункты, на которые отвѣчалъ.

Не помню въ какой день получилъ запросы о письмѣ, писанномъ чрезъ Свистунова въ Москву къ Степану Михайловичу Семенову. Отвѣчалъ, что увѣдомлялъ его о происшествіяхъ, бывшихъ въ Петербургѣ. Потомъ получилъ запросъ: „къмъ Семеновъ принять въ Общество?“ Отвѣчалъ, что не знаю. Вечеромъ требуютъ меня въ комитетъ.

Послѣ различныхъ вопросовъ о знакомствѣ моемъ и перепискѣ съ Семеновымъ и о принадлежности его къ Обществу, на которые вопросы я отвѣчалъ, что полагалъ его членомъ, но утвердительно сказалъ не могу, чтобъ онъ

былъ имъ, — говорятъ мнѣ, чтобъ я обернулся и спрашиваютъ: „узнаю-ли я Семенова“? Я обернулся и увидѣлъ его за собою. Повторяютъ вопросъ: „этотъ-ли Семеновъ принадлежалъ къ Обществу?“ На повторенный отвѣтъ мой, что я утвердительно сказать не могу: принадлежитъ-ли онъ къ Обществу, Семеновъ возразилъ: „какъ-же, князь! вы знаете, что я не принадлежалъ къ Обществу; вы меня въ Тайное Общество не принимали а съ тѣхъ поръ, какъ я уѣхалъ изъ Петербурга, вы знаете, гдѣ я былъ и что я такъ не могъ быть принять никѣмъ.

Я. Г. Семеновъ говоритъ правду, я его никогда не принималъ, и не знаю, чтобъ кто-либо другой его принялъ.

Вопросъ. Вы писали къ г. Семенову чрезъ Свистунова; вы писали къ нему, какъ къ члену Тайнаго Общества.

Я. Чтò я писалъ г. Семенову, я могъ писать и ко всякому другому знакомому, хоть бы онъ и не былъ членомъ Тайнаго Общества.

Вопросъ. Но вѣдь вы полагали г. Семенова членомъ Тайнаго Общества и писали

къ нему не только чрезъ Свистунова въ Москву, но и прежде съ нимъ переписывались.

Я. Наша переписка касалась единственно личныхъ дѣлъ г. Семенова.

Семеновъ. Кн. Трубецкой знаетъ, что когда мы видѣлись съ нимъ въ послѣдній разъ, я не былъ членомъ Тайнаго Общества, это онъ можетъ подтвердить. Съ тѣхъ поръ я жилъ три года, отдаленъ отъ всѣхъ моихъ знакомыхъ.

Ген. Левашовъ, обращаясь къ комитету: „князь Трубецкой не хочетъ доказать, что г. Семеновъ принадлежитъ къ Тайному Обществу, и я знаю почему: г. Семеновъ принялъ его брата, и кн. Трубецкой боится, чтобъ г. Семеновъ этого не объявилъ, когда онъ докажетъ ему, что онъ членъ Тайнаго Общества“.

Я. Предположеніе ген. Левашова несправедливо; ни одинъ изъ моихъ братьевъ не принадлежитъ къ Обществу.

Левашовъ. Вашъ братъ, который служить въ кавалергардскомъ полку, членъ Тайнаго Общества.

Я. Неправда!

Левашовъ (къ комитету). Г. Семеновъ воспитывалъ меньшаго брата кн. Трубецкаго и принялъ его въ Тайное Общество.

Я. Неправда! Братъ мой, о которомъ теперь говоритъ г. Левашовъ, не принадлежитъ къ Тайному Обществу, и ни одинъ изъ моихъ братьевъ не зналъ о существованіи Тайнаго Общества. Г. Семеновъ пріѣзжалъ изъ Москвы съ моею мачихою и жилъ съ полгода у нея въ домѣ, занимаясь меньшимъ моимъ братомъ, и еслибъ тогда г. Семеновъ былъ членомъ Общества, то не могъ бы принять моего брата, которому было не болѣе 15 лѣтъ; тогда г. Семеновъ не былъ членомъ Общества, а послѣ того онъ брата моего не видалъ.

Послѣ этого Семеновъ продолжалъ доказывать, что онъ не могъ принадлежать къ Тайному Обществу, опираясь болѣе на томъ, что онъ былъ въ разлукѣ съ членами его, и на томъ, что изо всѣхъ онъ былъ болѣе знакомъ со мною, и что кромѣ меня никто по этой причинѣ не могъ бы его принять; а что я его не принималъ, въ этомъ онъ ссылается на меня. И вообще всѣ свои ссылки на меня дѣлалъ такъ ловко, что я

долженъ былъ по справедливости все подтверждать. Наконецъ меня отпустили, оставивъ Семенова.

Въ другой разъ призвали меня также вечеромъ въ комитетъ, который я нашелъ этотъ разъ полнѣе прежняго. Тутъ сидѣли, кромѣ прежнихъ видѣнныхъ мною лицъ, Дибичъ и Потановъ. Во все время говорилъ и допрашивалъ Дибичъ одинъ. Предъ комитетомъ стоялъ Батенковъ. Требовали, чтобъ я доказалъ, что Батенковъ принадлежалъ къ Обществу, и говорили, что 19-тъ есть на то показаній. Я отозвался, что доказать о принадлежности Батенкова не могу, потому что не знаю, чтобъ кто его когда принималъ, и самъ никогда не говорилъ съ нимъ объ Обществѣ; что съ нимъ очень мало былъ знакомъ; что разъ я разговаривалъ съ нимъ передъ 14-мъ числомъ о странныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ было тогда наше отечесто, и что этотъ разговоръ оправдывался бывшими тогда обстоятельствами, и не нужно было принадлежать къ Тайному Обществу, чтобъ разговаривать о такомъ предметѣ, который такъ много всѣхъ занималъ.

Сидя въ своемъ номерѣ равелина, я дивился,

что не имѣю никакихъ вопросовъ о членахъ Общества на Югѣ. Разъ только получилъ я бумагу, въ которой было сказано, что полковникъ Пестель показываетъ одно обстоятельство, на которое требовали моего объясненія, и болѣе никогда не понимали ни о комъ изъ Южныхъ членовъ. Я не зналъ ни доносовъ Майбороды, Шервуда и Вита, ни возстанія черниговскаго полка, и не могъ разгадать такого молчанія. Долженъ однакожь былъ заключать, что комитетъ имѣетъ свѣденія важнѣйшія тѣхъ, которыя-бы могъ ожидать отъ меня.

До масленицы я не получалъ никакихъ почти вопросовъ, исключая о принадлежности нѣкоторыхъ членовъ, и о томъ: кѣмъ и когда они были приняты? На эти вопросы отзывался незнаніемъ. Наконецъ въ началѣ поста, кажется на 2-ой недѣлѣ, пришелъ за мной плацъ-адъютантъ, и въ комнатѣ, въ которой собирался комитетъ, я нашелъ генерала Чернишева и полковника Адлерберга. Первый держалъ въ рукахъ тетрадь въ нѣсколько листовъ, по которой предлагалъ мнѣ различные вопросы, болѣею частію нелѣпыя, по показанію будто-бы многихъ членовъ общества,

о пребываніи моемъ за границей, дѣйстви тамъ и знакомствѣ. Адлербергъ въ это время рисоваль на бумагѣ предъ нимъ лежащей, я какъ мнѣ многіе сказывали — это было вообще его занятіе во время допросовъ. Чернышевъ допрашивалъ съ какою-то насмѣшкою. Продержавъ довольно, отпустили. На другой день я получилъ огромную тетрадь, въ которой спрашивались различныя подробности о дѣйстви предъ 14-мъ числомъ, и о предположенномъ дѣйстви этого числа. Большею частію допросные пункты были нелѣпы; между ними былъ: „кто вызвался нанести ударъ, по моему предложенію, царствующему императору?“ На этотъ вопросъ должно-бы было просто отвѣчать, что этого никогда не было и что никто не вызывался, что была истина. Но я прежде, нежели отвѣчать на него, вздумалъ намекнуть объ немъ въ письмѣ къ женѣ моей (я каждый вечеръ посылалъ къ ней письма чрезъ плацъ-адъютанта). На другой день поутру плацъ-адъютантъ принесъ мнѣ письмо назадъ, сказавъ, что велѣно мнѣ сказать, что ненужно подобныхъ вещей писать, что они могутъ огорчить жену мою. Тогда я въ отвѣтъ на допросъ написалъ, что

такого ужаснаго допроса комитетъ, вѣроятно, не сдѣлалъ-бы мнѣ, еслибъ кто-нибудь того не показалъ, и потому могутъ показателя спросить, чтобъ онъ назвалъ того, кто вызвался; а я самъ никого не знаю. Разсужденіе, которому я слѣдовалъ, сдѣлавъ такой отвѣтъ, было ложно: оно основывалось на увѣренности, что комитетъ и всѣ дѣйствія его ничто болѣе какъ комедія; что участь моя и всѣхъ прочихъ со мною содержащихся давно уже рѣшена въ умѣ императора, и что какъ-бы дѣло ни пошло, мнѣ суждено сгнить въ крѣпостномъ заточеніи; и потому если императоръ будетъ по моимъ отвѣтамъ заключать, что я упорствую въ заперательствѣ, то заключеніе мое будетъ строже. Отъ того я вздумалъ, не отвергая рѣшительно показанія, заставить обратиться къ показателю, который не въ состояніи будетъ поддержать своего показанія, назвавъ небывалое лицо. Я, кажется, въ предположеніи своемъ кругомъ ошибся. На прочіе вопросы я отвѣчалъ подробно, когда касалось это собственныхъ моихъ предположеній или дѣйствій, стараясь избѣгать утвержденія показаній на другія лица; при всемъ томъ вырвались у меня не-

осторожныя слова на лейтенанта морскаго гвардейскаго экипажа Арбузова*).

Чрезъ нѣсколько дней послѣ сего, пришелъ ко мнѣ священникъ. Онъ уже разъ былъ у меня, и какъ мнѣ казалось — хотѣлъ ко мнѣ подладиться, но не довольно ловко, и я остался въ сомнѣніи относительно его мыслей и намѣреній. Теперь, казалось мнѣ, представился случай узнать и тѣ и другія, и то, прямо-ли онъ дѣйствуетъ или хитритъ? Для этого я ему разсказалъ о вопросѣ касательно лица императора и о моемъ на него отвѣтѣ. По впечатлѣнію, которое это на него сдѣлало, я заключилъ, что онъ человѣкъ съ хорошими чувствами. Онъ просилъ меня, чтобъ я всякую ложь отвергалъ рѣшительно. Потомъ спросилъ меня: не хочу ли я принять исповѣди, и на согласіе мое — сказалъ, что будетъ ко мнѣ для принятія ея. Я однакожъ

*) Ихъ нельзя уже было вымарать ни изорвать, потому что листы, которые давались на отвѣты, были заномерованы, но къ счастью онъ заперся въ томъ, что я на него показаль, и когда спросили вновь моего подтвержденія, я имѣлъ возможность поправить свою ошибку и отпереться отъ словъ своихъ.

ожидалъ его нѣсколько недѣль и онъ пришелъ уже только тогда, когда я пересталъ его ждать. Съ искреннимъ чувствомъ моего недостойнства приступилъ я къ причащенію крови и тѣла Христовыхъ, и чистая радость овладѣла въ эту минуту душею моею, и упованіе на милость Божію твердо вкоренилась въ сердцѣ моемъ. Исповѣдь моя, кажется, привязала ко мнѣ священника; онъ меня любилъ и съ этой поры довольно часто меня навѣщалъ. Онъ убѣдился, что все то, что онъ слышалъ про меня, была ложь, и что я могъ ошибаться на пути добра, но зла никогда на умѣ не имѣлъ, и что находили нужнымъ приписать мнѣ злые умыслы для того, чтобъ оправдать ту степень приговора, которому намѣрены были меня подвергнуть.

Въ теченіи этого времени я не получалъ почти никакихъ запросовъ и меня ничѣмъ комитетъ не тревожилъ. Но 28-го Марта, послѣ обѣда отворяють дверь моего номера и входитъ генераль-адъютантъ Бенкендорфъ, высылаетъ офицера и послѣ не значущихъ замѣчаній — о сырости моего жилища садится на стулъ и проситъ меня сѣсть. Я сѣлъ на кровать.

Онъ. Je suis venu chez vous de la part de Sa Majesté l'Empereur. Vous devez considérer comme si vous parliez avec l'Empereur lui-même; je ne suis qu'un intermédiaire nécessaire L'Empereur, comme de raison, ne peut pas venir vous voir lui-même. Il ne peut pas venir ici, il serait inconvenable qu'il vous fasse appeler chez lui; il faut donc qu'il y ait un intermédiaire entre lui et vous. La conversation qui aura lieu entre vous et moi doit donc être un secret pour tout le monde, comme si elle avait lieu entre l'Empereur et vous. Sa Majesté a de grandes bontés pour vous, et elle attend un témoignage de votre reconnaissance*).

*) Онъ (Бенкендорфъ). Я пришелъ къ вамъ отъ имени его величества. Вы должны представить себѣ, что говорите съ самимъ императоромъ, въ этомъ случаѣ я только необходимый посредникъ. Очень естественно, что императоръ самъ не можетъ-же прійти къ вамъ. Самъ онъ не можетъ придти сюда, васъ позвать къ себѣ — для него неприлично, слѣдовательно между вами и имъ необходимъ посредникъ. Разговоръ нашъ останется тайною для всего свѣта, какъ будто-бы онъ происходилъ между вами и самимъ государемъ. Его величество очень снисходителенъ къ вамъ и ожидаетъ отъ васъ доказательства вашей благодарности.

Я. Général, je suis très reconnaissant à Sa Majesté pour toutes ses bontés, dont voici le témoignage*) (показывая на кипу писемъ жениныхъ, лежащихъ у меня на столѣ и которыя я получалъ ежедневно).

Онъ. Qu'est-ce que c'est que cela? Il ne s'agit pas de cela. Rappelez-vous, que vous êtes entre la vie et la mort . . .

Я. Je le sais bien, général, que je suis plus près de la dernière.

Онъ. Eh bien! Vous ne savez pas se que l'Empereur fait pour vous. On peut être bon, on peut être clément, mais il y a une mesure à tout. La loi donne un pouvoir absolu à l'Empereur, cependant il y a des choses qu'il ne devrait pas faire, et je ne crains pas de dire, qu'il outrepassé

*) Я. Генералъ, я очень благодаренъ его величеству за его снисходительность, и вотъ доказательство ея.

Онъ. Да что это! . . . дѣло не въ томъ — помните, что вы находитесь между жизнью и смертью.

Я. Я знаю, что нахожусь ближе къ послѣдней.

Онъ. Хорошо! Вы не знаете, что государь дѣлаетъ для васъ. Можно быть добрымъ, можно быть милосерднымъ, но всему есть границы. Законъ представляетъ императору неограниченную власть, однако есть вещи, которыя ему не слѣдовало-бы дѣлать, и

même son droit de faire grâce en votre faveur. Mais il faut aussi que de votre côté vous lui donniez une preuve de votre reconnaissance. Je vous répète de nouveau, que tout ce que vous me direz, ne sera connu que de la personne de l'Empereur, et que je ne suis que le canal par lequel vos paroles devront passer.

Я. Je vous ai déjà dit, général, que je suis très reconnaissant à Sa Majesté pour la bonté qu'elle a eu de me permettre de correspondre avec ma femme. Et je voudrais savoir comment je puis lui témoigner ma reconnaissance.

Онъ. L'Empereur voudrait savoir quelles sont les relations que vous avez eues avec M. Speranski.

я осмѣливаюсь сказать, что онъ превышаетъ свое право милюя васъ. Но нужно чтобъ и съ вашей стороны вы ему доказали свою благодарность. Опять повторяю вамъ, что все сообщенное вами будетъ извѣстно одному только государю, я только посредникъ, черезъ котораго ваши слова передаются ему.

Я. Я уже сказалъ вамъ, что очень благодаренъ государю за позволеніе переписываться съ моей женой. Мнѣ-бы очень хотѣлось знать какимъ образомъ я могу показать свою признательность.

Онъ. Государь хочетъ знать въ чемъ состояли ваши сношенія съ Сперанскимъ.

Я. Je n'ai eu aucune relation particulière avec M. Speranski. *)

Онъ. Permettez. Je dois vous dire, de la part de Sa Majesté l'Empereur, qu'elle vous certifie par ma bouche, que tout ce que vous me direz sur M. Speranski restera un secret entre lui et vous. Qu'il n'en arrivera rien à M. Speranski; il est au-dessus de cela. On a besoin de lui, mais l'Empereur veut seulement savoir quel degré de confiance il doit lui accorder.

Я. Général, je ne puis rien vous citer de mes relations avec M. Speranski, excepté les relations qu'on a ordinairement en société.

Онъ. Mais vous avez raconté à quelqu'un une conversation que vous avez eue avec M. Speran-

*) Я. У меня не было съ нимъ особенныхъ сношеній.

Онъ. Позвольте, я долженъ вамъ сказать отъ имени его величества, что все сообщенное вами о Сперанскомъ останется тайной между имъ и вами. Ваше показаніе не повредитъ Сперанскому, онъ выше этого. Онъ необходимъ, но государь хочетъ только знать до какой степени онъ можетъ довѣрять Сперанскому.

Я. Генералъ, я ничего не могу вамъ сообщить особеннаго о моихъ отношеніяхъ къ Сперанскому, кромѣ обыкновенныхъ свѣтскихъ отношеній.

Онъ. Но вы рассказывали кому-то о вашемъ

ski. Vous l'avez même consulté sur la constitution à donner à la Russie.

Я. C'est faux, général; on a induit Sa Majesté en erreur.

Онъ. Je dois vous répéter de nouveau, que vous n'avez rien à craindre pour M. Speranski. C'est l'Empereur qui vous le dit lui-même. Et vous devez une profonde reconnaissance à Sa Majesté, parce que vous ne pouvez pas même vous représenter ce qu'il fait pour vous. Je vous dis encore une fois, qu'il outrepassé toutes les lois divines et humaines en votre faveur. L'empereur désire seulement que vous lui prouviez votre reconnaissance par votre sincérité.

разговоръ съ Сперанскимъ. Вы даже совѣтовались съ нимъ о будущей конституціи Россіи.

Я. Это несправедливо генераль, его величество ввели въ заблужденіе.

Онъ. Я опять долженъ напомнить вамъ, что вамъ нечего бояться за Сперанскаго. Самъ государь увѣряетъ васъ въ этомъ, а вы обязаны ему большою благодарностью, вы не можете себѣ представить, что онъ дѣлаетъ для васъ. Опять говорю вамъ, что онъ преступаетъ, относительно васъ, всѣ божескіе и человѣческіе законы. Государь хочетъ, чтобъ вы вашей откровенностью доказали ему свою признательность.

Я. Je voudrais bien prouver ma reconnaissance par tout ce qui est en mon pouvoir. Mais je ne puis calomnier personne. Je ne puis pas dire ce qui n'a jamais été. L'Empereur ne peut pas attendre de moi, que j'invente une conversation qui n'a pas eu lieu. Et même si je pouvais avoir cette faiblesse, faudrait-il encore que je prouve que j'aie eu cette conversation.*)

Онъ. Mais vous avez raconté à quelqu'un cette conversation.

Я. Non, général; je n'ai pas pu raconter une conversation qui n'a pas existé.

Онъ. L'Empereur sait que vous l'avez racontée à une personne, et c'est de cette personne même que l'Empereur la tient.

*) Я. Мнѣ бы очень хотѣлось доказать мою признательность всѣмъ что только находится въ моей власти; но не могу-же я клеветать, на кого-бы то ни-было; не могу-же я говорить то, чего никогда не случалось. Государь не можетъ надѣяться, чтобъ я выдумалъ разговоръ, котораго вовсе не происходило. Да если-бы я и былъ достаточно слабъ для этого, надо еще доказать, что я именно имѣлъ этотъ разговоръ.

Онъ. Да вы рассказали кому-то объ немъ.

Я. Нѣтъ генераль, я не могъ рассказывать разговоръ, котораго не было.

Онъ. Государь знаетъ, что вы рассказали его од-

Я. Je puis vous assurer, général, que cette personne en a menti à l'Empereur.

Онъ. Prenez garde, prince Troubetskoï! vous savez que vous êtes entre la vie et la mort.

Я. Hé, général, je le sais bien. Mais je ne puis dire un mensonge, et je dis que la personne qui a eu l'effronterie de dire à l'Empereur que je lui ai parlé d'une prétendue conversation avec M. Speranski, en a menti, et je le prouverai en face à cette personne. Que l'Empereur veuille bien me faire donner une confrontation avec cette personne, et je lui prouverai qu'elle en a menti!

Онъ. C'est impossible. On ne peut vous donner une confrontation avec elle.

ному лицу, и онъ узналъ объ немъ именно отъ этого лица.

Я. Могу васъ увѣрить, генераль, что это лицо солгало государю.

Онъ. Берегитесь, князь Трубецкой, вы знаете, что вы находитесь между жизнью и смертью.

Я. Знаю, но не могу-же я сказать ложь и я долженъ повторить вамъ, что лицо, имѣвшее дерзость сообщить государю о какомъ-то разговорѣ моемъ съ Сперанскимъ, солгало, и я докажу это на очной ставкѣ. Пусть государь сведетъ меня съ этимъ лицомъ и я докажу, что оно солгало.

Онъ. Это невозможно, вамъ нельзя дать очную ставку съ этимъ лицомъ.

Я. Si vous voulez me la nommer, général, je vous prouverai qu'elle en a menti.*)

Онъ. Je ne puis vous nommer personne; tâchez de vous en rappeler vous-même.

Я. Il est impossible, général, que je me rapelle avoir dit à quelqu'un quelque chose que je n'ai jamais dit.

Въ этомъ родѣ разговоръ продолжался еще долгое время, сначала по французски, потомъ по русски.

Г. Бенкендорфъ, стараясь меня уговорить рассказать мой разговоръ съ Сперанскимъ, а я требуя очной ставки съ доносчикомъ. Наконецъ онъ ушелъ, потребовавъ отъ меня, чтобъ я написалъ сей-же часъ къ нему все что я знаю о Сперанскомъ, и сказавъ мнѣ, что онъ будетъ ожидать моего письма въ крѣпости.

По уходѣ его отъ меня, я думалъ, думалъ чтò напишу; наконецъ рѣшился написать разговоръ о Сперанскомъ, Магницкомъ и Барановѣ, который былъ у меня съ Батенковымъ

*) Я. Назовите мнѣ его и я докажу, что оно солгало.

Онъ. Я не могу никого называть; вспомните сами.

Я. Совершенно невозможно, генераль, вспомнить о разговорѣ, котораго никогда небыло.

и Рылѣвымъ, и запечатавъ отправилъ тутъ-же въ собственныя руки Бенкендорфа.

Этотъ разговоръ я разсказалъ послѣ исповѣди священнику, который въ свою очередь разсказалъ мнѣ, что 29 или 30 Марта, возили полковника Батенкова во дворецъ. Долго думавъ о томъ, кто-бы могъ сказать такую вещь императору, онъ наконецъ увѣрялъ меня, что это не изъ крѣпости вынесено, но что навѣрное: кто сказалъ, тотъ внѣ крѣпости. Тогда я подумалъ, что это долженъ быть генераль Сергѣй Шиповъ, къ которому теперь должно обратиться.

По смерти императора Александра, я поѣхалъ къ Шипову, и мы вдвоемъ разговаривали о тогдашнихъ обстоятельствахъ. Онъ сожалѣлъ, что брата его не было въ городѣ, который съ 2-мъ преображенскимъ баталліономъ стоялъ внѣ города, какъ и всѣ 2-ые баталліоны гвардейскихъ полковъ; С. Шиповъ говорилъ, что желаетъ устроить такъ, чтобъ можно было намъ втроемъ поговорить. Чрезъ нѣсколько дней я поѣхалъ къ нему опять. Мнѣ казалось, что онъ хотѣлъ избѣжать разговора; потому что онъ просилъ меня прослушать его проэктъ о фуштатскихъ баталліо-

нахъ. Я скоро прекратилъ чтеніе огромнѣйшей тетради, сказавъ ему, что можемъ заняться важнѣйшимъ и поговорить о предметахъ, которые теперь ближе касаются насъ. Онъ положилъ свою тетрадь, и мы снова стали говорить о тогдашнихъ обстоятельствахъ и дѣлать различныя предположенія о будущемъ императорѣ. Наконецъ онъ сказалъ: „Большое несчастье будетъ, если Константинъ будетъ императоромъ“.

Я. Почему ты такъ судишь?

Онъ. Онъ варваръ.

Я. Но и Николай человѣкъ жестокой.

Онъ. Какая разница! Этотъ человѣкъ просвѣщенный, а тотъ варваръ.

Я. Константинъ теперь не молодъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ Варшавѣ, онъ ведетъ себя совсѣмъ иначе, нежели велъ себя въ Петербургѣ. Говорятъ, жена его очень смягчила его нравъ и почти совсѣмъ его перемѣнила.

Онъ. Нѣтъ, какъ можно сравнить его съ Николаемъ; это человѣкъ просвѣщенный, европейской, а тотъ злой варваръ.

Я. Ты, можетъ быть, ближе знаешь Николая, нежели я, и можешь лучше судить о

немъ. Я вижу, что Константину солдаты присягнули съ готовностію, можетъ быть оттого, что они его не знаютъ; десять лѣтъ онъ въ отсутствіи, а меньшихъ братьевъ они ненавидятъ, и очень худо объ нихъ относятся. Если Константинъ откажется, то трудно будетъ заставить солдатъ присягнуть Николаю. Ты можешь о томъ судить потому, что было во внутреннемъ караулѣ въ день присяги. У насъ это новое, чтобъ императоръ, которому присягнули, отказался отъ престола. Какимъ образомъ заставить солдатъ повѣрить такому небывалому примѣру? Особенно если Константинъ не пріѣдетъ и лично не объявитъ солдатамъ, что онъ передаетъ престолъ меньшому брату, то я не знаю, что изъ этого будетъ.

Онъ. Я отвѣчаю за свой полкъ, я могу заставить своихъ солдатъ присягнуть кому хочу.

Я. Изъ всѣхъ полковыхъ командировъ ты, вѣрно, одинъ можешь это сказать; къ прочимъ, кажется, люди не имѣютъ такой довѣренности.

Онъ. Меня солдаты послушаютъ. Я первый узнаю, если Константинъ откажется. Мнѣ тотчасъ пришлютъ сказать изъ Аничковского

дворца; я тотчасъ приведу свой полкъ къ присягѣ. Я отвѣчалъ за него, я далъ слово.

Я. Но можешь-ли ты знать, что тебѣ скажутъ истину? Кажется, очень желаютъ царствовать, и въ такомъ случаѣ развѣ не могутъ прислать тебѣ сказать, что Константинъ отказался, и обмануть тебя. Ты приведешь полкъ къ присягѣ, а окажется, что Константинъ не отказался; что ты будешь тогда дѣлать? Ты несешь голову на плаху.

Эти слова поразили Шипова; онъ отскочилъ отъ меня, потомъ спросилъ: „Трубецкой! чтожъ дѣлать“? Я продолжалъ: Если даже Константинъ не откажется, то можемъ-ли мы полагать, что все спокойно кончится? Ненависть солдатъ, дурное мнѣніе, которое вообще всѣ имѣютъ о Николаѣ, развѣ не можетъ возродить сопротивленіе и не отъ однихъ солдатъ?

Онъ. А развѣ есть что? развѣ говорятъ о чемъ?

Я. Я не знаю; но все можетъ быть.

Онъ. Трубецкой! у тебя много знакомыхъ; ты многихъ знаешь въ Совѣтѣ, въ Сенатѣ. Если есть что, есля о чемъ поговариваютъ въ Совѣтѣ, то пожалуйста увѣдомляй меня.

Изъ продолженія разговора я видѣлъ, что Шиповъ передался совсѣмъ на сторону в. к. Николая, и не съ тѣмъ требуетъ свѣдѣній, чтобы дѣйствовать въ нашихъ видахъ. Эта была для насъ большая потеря, потому что Шиповъ былъ всегда членомъ, на котораго полагались, и очень друженъ съ Пестелемъ. Онъ былъ полковой командиръ и не только по словамъ его, но и по слухамъ былъ любимъ въ полку, и хотя, можетъ быть, слишкомъ много приписывалъ себѣ власти на своихъ подчиненныхъ, но безъ сомнѣнія могъ имѣть довольно вліянія на умы ихъ и, слѣдовательно, сдѣлать большой перевѣсъ на ту сторону, которую приметъ.

Долго я думалъ о разговорѣ съ Бенкендорфомъ. Необычайная милость, объявленная имъ мнѣ отъ императора, приводила меня въ недоумѣніе. „Неужели я такъ ошибся въ его нравѣ, говорилъ я самъ себѣ, полагая его человѣкомъ жестокимъ, не имѣющимъ ни доброты сердечной, ни великодушія, желающимъ власти единственно для удовлетворенія своему властолюбію, а нисколько не для того, чтобъ имѣть возможность устроить благо подданныхъ и владѣть сердцами ихъ посредствомъ

кротости и милосердія. Грубо, очень грубо ошибся я въ немъ; даже и тогда грубо ошибся, если милосердіе, которое онъ оказать хочетъ намъ, проистекаетъ болѣе отъ ума, нежели отъ сердца. Что долженъ я заключить для себя изъ сказаннаго Бенкендорфомъ? что меня и всѣхъ задержанныхъ выпустятъ по окончаніи слѣдствія? Всѣхъ возстановятъ въ прежнихъ званіяхъ и достоинствахъ? А я думалъ, что меня запрутъ, и я никогда не вырвусь изъ Алексѣевского рavelина! Когда меня вели въ комитетъ, или въ баню, я всегда разсматривалъ и изыскивалъ средства уйти, если опредѣлено будетъ мнѣ вѣчное здѣсь заключеніе. Тяжела мысль быть вѣчно обязаннымъ благодарностію человѣку, о которомъ я имѣлъ такое худое мнѣніе. А если онъ будетъ въ разсужденіи меня такъ великодушенъ, каковымъ представилъ его Бенкендорфъ, то я обязанъ буду посвятить ему всѣ остальные дни моей жизни“. Эти мысли бродили нѣкоторое время въ головѣ моей и тревожили меня; наконецъ я успокоился, убѣдивъ себя, что дѣло несбыточное, чтобъ все могло кончиться, какъ казалось изъ рѣчей Бенкендорфа.

На 6 недѣлѣ поста, не помню въ какой день, а кажется, въ четвергъ, приходитъ за мной плацъ-адъютантъ въ необычайное время, скоро послѣ обѣда, и приносятъ мой мундиръ. Приглашаетъ меня одѣться съ видомъ какимъ-то пріятнымъ*), какъ-бы для предваренія моего, что выходъ мой не принесетъ мнѣ ничего, кромѣ удовольствія, и ведетъ меня въ домъ коменданта. Вхожу въ комнату и въ объятія мои бросается сестра. Она нѣсколько уже дней имѣла позволеніе видѣть меня, но ледъ на Невѣ препятствовалъ перѣѣхать въ крѣпость; нынѣ это было возможно и она воспользовалась дозволеніемъ, выпрошеннымъ ею лично, когда откланивалась императрицѣ, намѣреваясь отѣхать въ Москву. Сестра рада была меня видѣть, между тѣмъ была грустна, хотя старалась скрывать грусть свою подъ улыбкою. Разговоръ нашъ не

*) За нѣсколько дней до того, этотъ-же плацъ-адъютантъ принесъ мнѣ кусочикъ просвирки отъ имени моей сестры. Когда я развернулъ ее онъ наклонился и съ большимъ вниманіемъ искалъ долго на полу. Съ удивленіемъ я увидѣлъ, что онъ такъ старательно отыскивалъ булавку, которою была заколота бумажка.

могъ быть свободенъ, потому что комендантъ, генералъ Сукинъ во все время сидѣлъ возлѣ насъ за столикомъ на которомъ угощалъ насъ чаемъ. Нѣсколько разъ за нимъ приходили, но онъ отлучиться не хотѣлъ; наконецъ положили ему, что пріѣхалъ отъ государя генералъ-адъютантъ, кажется Левашовъ, онъ и тогда сказалъ, что ему не время. Пріѣхавшій генералъ пошелъ ходить по крѣпости, потомъ возвратился и опять требовалъ свиданія. Сукинъ велѣлъ его позвать, а самъ дойдя до дверей комнаты и сказавъ ему одно слово, поспѣшилъ на своей деревяшкѣ воротиться къ занимаемому имъ мѣсту.

Сестра только успѣла въ это время спросить меня: замѣшанъ-ли я въ покушеніи на жизнь императора? Я отвѣчалъ, что нѣтъ; но что кажется есть намѣреніе меня замѣшать. Она отерла слезу; но сказать болѣе ничего не могла, потому что комендантъ сидѣлъ уже на своемъ мѣстѣ прежде, нежели я договорилъ отвѣтъ. (Я послѣ узналъ отъ жены моей, что ему велѣно было записать и представить весь нашъ разговоръ; сестра это знала и потому не смѣла говорить того, чтобы хотѣла). Пришло время разстаться намъ и

со стороны сестры не обошлось безъ слезъ; мнѣ также было грустно. Мы не надѣялись больше видѣться; она чрезъ нѣсколько дней уѣхала въ Москву. Я тогда не зналъ, что добрая сестра моя выпросила еще обѣщаніе свиданія женѣ моей со мною. Нѣсколько дней провелъ я довольно покойно въ казематѣ, вспоминая свиданіе съ сестрою. На страстной недѣлѣ въ два разные дня, я имѣлъ еще удовольствіе получить вопросные пункты такого рода, отвѣты на кои должны были служить къ облегченію судьбы тѣхъ лицъ, кого они касались. Такой случай представлялся въ первый разъ, и слѣдовательно былъ для меня очень отраденъ. Въ одномъ вопросѣ спрашивали, почему я просилъ Рылѣева, чтобъ не сообщалъ онъ полковнику Глинкѣ о нашихъ намѣреніяхъ? въ другомъ, что кн. Оболенской ссылается на меня, что когда въ 1823 году пріѣзжалъ Пестель въ Петербургъ и своими разсужденіями увлекъ его къ признанію необходимости республиканскаго правленія въ Россіи, то я отвратилъ его отъ этихъ мыслей, доказавъ ему, что республику не иначе можно учредить, какъ истребленіемъ императорскаго дома, чрезъ какое дѣйствіе Общество неми-

нуемо поселило-бы къ себѣ омерзеніе и привело-бы въ ужасъ весь народъ.

Въ понедѣльникъ на святой недѣлѣ я имѣлъ неожиданное счастье обнять мою жену. Я не зналъ, что сестрѣ моей было обѣщано позволеніе женѣ свидѣться со мною. Но легко изобразить чувства наши при этомъ свиданіи. Казалось всѣ несчастія были забыты; всѣ лишенія, всѣ страданія, всѣ безпокойства исчезли. Добрый, вѣрный другъ мой — она ожидала съ твердостію всего худшаго для меня, но давно уже рѣшилась, если только я останусь живъ, раздѣлить участь мою со мной и не показала ни малѣйшей слабости. Она молилась, чтобы Богъ сохранилъ мою жизнь, и далъ мнѣ силы перенести съ твердостію теперешнее и будущее положеніе мое. Наше свиданіе было подобно свиданію моему съ сестрой, въ присутствіи коменданта, который какъ будто бы для того, чтобы дать намъ болѣе свободы, притворился спящимъ въ своихъ креслахъ. До сихъ поръ я не имѣлъ никакой надежды увидать когда-нибудь жену мою; но это свиданіе заставило меня надѣяться, что мы опять будемъ когда-нибудь вмѣстѣ; и потому можетъ быть часъ разлуки,

не такъ показался мнѣ тягостнымъ, какъ должно было ожидать. Воспоминаніе о проведенныхъ вмѣстѣ часахъ сладостно занимало меня многіе дни. Я благодарилъ Бога отъ глубины души за то, что онъ милостію своею такъ поддержалъ ее и въ чувствахъ внутреннихъ, и въ наружномъ видѣ. Ничего отчаяннаго, убитаго не было ни въ лицѣ, ни въ одеждѣ; во всемъ соблюдено пристойное достоинство. Видъ ея и разговоръ съ нею укрѣпили во мнѣ упованіе въ Бога, и я съ тѣхъ поръ совершенно покорился волѣ провидѣнія, предавшись всѣми моими чувствами съ полною покорностію всему, что ему угодно будетъ мнѣ послать въ будущности. Спокойствіе мое было прервано. 8-го Мая призывали меня поутру къ допросу; я нашелъ одного Чернышева и Адлерберга, который по обыкновенію рисовалъ и чертилъ на листѣ предъ нимъ лежащимъ. Чернышевъ съ язвительною, казалось мнѣ, улыбкою объявилъ мнѣ, что отвѣты мои на большой допросъ, посланный мнѣ въ Февралѣ, казавшіеся подробными и удовлетворительными, оказались пустыми (т. е. комитетъ былъ ими недоволенъ потому что они никого не запутывали). Онъ

мнѣ сдѣлалъ много вопросовъ по большей части вздорныхъ. Если это было съ показаній нѣкоторыхъ изъ подсудимыхъ, то должно быть такихъ, которые не имѣли со мной никакого знакомства и знали меня только по дальнимъ слухамъ. Такъ оно дѣйствительно и было. Нѣкоторые слухи, которые были обо мнѣ въ Обществѣ Славянъ (вовсе небывшемъ мнѣ извѣстнымъ и о существованіи котораго я не имѣлъ никакого свѣденія), были предложены мнѣ, какъ показанія членовъ, и ни въ чемъ не было не только истины, но и тѣни справедливости. Не смотря на то, отъ меня потребовали письменныхъ отвѣтовъ, которые я и далъ, получивъ на другой день письменные вопросы, изъ которыхъ однакожъ многіе сдѣланные мнѣ словесно были исключены. Напирали однакожъ на намѣреніе цареубійства. Въ этомъ случаѣ я сослался на записку мою, которую въ ночь съ 14 на 15 я видѣлъ въ рукахъ императора и изъ которой ясно было видно какія были мои намѣренія. Въ ней ничего похожаго на такой умыселъ не было; напротивъ опредѣлено вступить въ переговоры съ Николаемъ Павловичемъ и вступленіе на престолъ подвергнуть рѣшенію

общаго собранія довѣренныхъ людей всѣхъ сословій государства, собранныхъ призывомъ сената; слѣдовательно мы не принимали на себя никакой власти.

До сихъ поръ я не имѣлъ ни съ кѣмъ очныхъ ставокъ; наконецъ меня позвали и я увидѣлъ себя предъ Бригеномъ, котораго полагалъ за границей. Меня спрашивали до того, отъ кого я слышалъ о ненависти къ покойному государю Якубовича, и о намѣреніи его принести жизнь его въ жертву этому чувству, основанному на личномъ мщеніи. Я имѣлъ неосторожность отвѣчать, что отъ полковника Бригена. Меня заставили это при немъ подтвердить, и вѣроятно это было причиною осужденія его на одинъ годъ каторжной работы. Изъ словъ Бригена я увидѣлъ, что ему ставятъ въ вину познаніе этого обстоятельства; но уже нельзя было отречься, потому что не мнѣ одному было извѣстно, что Бригенъ это рассказывалъ. Съ лейтенантомъ Арбузовымъ я былъ счастливѣе. Въ допросѣ о немъ вырвались у меня его слова: „если будутъ въ насъ стрѣлять, то мы пушки отобьемъ“. Наученный примѣромъ бывшаго съ Бригеномъ, я отказался отъ этого пока-

занія, объявилъ, что если я сказалъ это на Арбузова, то это неправда. Арбузовъ говорилъ мнѣ послѣ, что слышалъ мои слова, потому что ожидалъ возлѣ въ комнатѣ очной ставки со мною. Въ день преполовенія меня повели по утру дорогой очень кружной въ нижнюю комнату комендантскаго дома, гдѣ я просидѣлъ до вечера въ ожиданіи, но отпустили, не давъ ни съ кѣмъ очной ставки.

Съ этого дня пошло въ комитетѣ очищеніе очными ставками всѣхъ сомнительныхъ пунктовъ, и я имѣлъ очную ставку съ Рылѣвымъ по многимъ пунктамъ, по которымъ показанія наши были сходны. Между прочими были такіе, въ которыхъ дѣло шло объ общемъ дѣйствиіи; и когда я не призналъ рассказъ Рылѣва справедливымъ, то онъ далъ мнѣ почувствовать, что я, выгораживая себя, сваливаю на него. Разумѣется, мой отвѣтъ былъ, что я не только ничего своего не хочу свалить на него; но что я соглашаюсь заранее со всѣмъ тѣмъ, что онъ сказалъ о моемъ дѣйствиіи, и что я на свой счетъ ничего не скрылъ и болѣе сказалъ, нежели онъ можетъ сказать. Видъ Рылѣва сдѣлалъ на меня печальное впечатлѣніе; онъ былъ блѣденъ чрезвычайно и очень похудѣлъ; вѣроятно, мой

видъ сдѣлалъ на него подобное-же впечатлѣніе. Но его видъ такъ поразилъ меня, что я сдѣлалъ то, чего-бы не долженъ былъ, а именно: я по нѣкоторомъ оспариваніи показаній его мнѣнія о другихъ лицахъ, не сталъ упорствовать и согласился, что онъ говорилъ то, чего я отъ него не слыхалъ, какъ и теперь въ томъ увѣренъ, и что можетъ быть подвергло строжайшему осужденію эти лица.

По соглашеніи предмета, по которому была у насъ очная ставка, князь А. Н. Голицынъ вступилъ съ Рылѣвымъ и со мной въ частный разговоръ и продолжалъ его нѣкоторое время въ такомъ тонѣ, какъ будто мы были въ гостинной, даже съ пріятнымъ видомъ и улыбкой, такъ что вопреки всѣмъ дотолѣ бывшимъ убѣжденіямъ, пришла мнѣ мысль, что вѣроятно князю Голицыну извѣстно, что дѣло наше не такъ худо кончится; что религіозный человѣкъ, какимъ онъ издавна почитался, не могъ бы такъ весело разговаривать и почти шутить съ людьми, обреченными смерти. Разговоръ князя Голицына касался различныхъ предположеній Рылѣва, Пестеля, моихъ относительно временнаго правленія въ случаѣ еслибъ попытка наша удалась. Онъ разбиралъ различныя эти предположенія, го-

ворилъ о Сперанскомъ, Мордвиновѣ, Ермоловѣ, какъ о лицахъ, которыхъ мы предполагали облечь временною верховною властію. Разсуждалъ о составѣ Пестелевой директоріи; шутилъ, что Пестель, находя что образъ моихъ мыслей не сходенъ съ его, не хотѣлъ имѣть меня членомъ своей директоріи, и отъ того назначилъ мнѣ министерство внутреннихъ дѣлъ, а Сергѣю Шипову министерство военныхъ силъ, и спрашивая насъ по этимъ предметамъ, разсуждалъ о лучшемъ по его мнѣнію составѣ временной верховной власти, о различныхъ мѣрахъ, которыми могла быть установлена конституція, и развивалъ сужденія свои объ этихъ предметахъ. Словомъ онъ меня удивилъ несказанно. Я долго разсуждалъ о неизъяснимомъ для меня поведеніи князя Голицына и старался объяснить его себѣ. Между тѣмъ Рылѣевъ имѣлъ свиданіе съ женой, и послѣ того имѣлъ случай уведомить меня о томъ запиской и сообщить мнѣ, что жена его сама лично выпросила у императора свиданіе съ мужемъ и просила ему помилованія; получила соизволеніе на первую просьбу, а на вторую была успокоена словами: „никто не будетъ обиженъ!“

Потомъ опять чрезъ нѣсколько дней, Ры-

лѣевъ сообщилъ мнѣ, что многія лица, особенно изъ сенаторовъ, требуютъ нашего осужденія; но что Сперанскій и Кочубей настаиваютъ и императора на милость, къ которой онъ очень склоненъ. Я не очень всѣмъ надеждамъ, которыя казалось Рылѣевъ имѣеть, довѣрялъ; но стало вкрадываться опять сомнѣніе во мнѣ, что я, можетъ быть, очень несправедливъ былъ противъ Николая Павловича, полагая его человекомъ жестокимъ.

Послѣдній запросъ, который былъ мнѣ принесенъ изъ комитета, былъ слѣдующій: „Въ 1820 году, когда Пестель пріѣзжалъ въ Петербургъ, то многія собранія были у полковника Сергѣя Шипова и полковника Глинки, и на нихъ разсуждали объ образѣ правленія, который предполагается учредить въ Россіи. Всѣ единогласно, исключая полковника Глинки, согласились въ томъ, что правленію слѣдуетъ быть республиканскому, при чемъ Н. Тургеневъ сказалъ: „un président sans phrases“. Меня спрашивали: точно-ли сказалъ это Тургеневъ? мнѣ легко было отвѣчать, что я былъ за границей и не могъ знать происходившаго въ это время. Вѣроятно отвѣты мои, каковы бы ни были, ни въ какомъ случаѣ не измѣнили бы моего приговора. Я всегда былъ увѣренъ,

что онъ изреченъ заранѣе, и кажется въ томъ не ошибся. Слова, сказанныя мнѣ самимъ императоромъ, въ томъ меня убѣждали. Но я думаю, что я не долженъ былъ допустить этой мысли овладѣть столько мною, чтобъ заставить меня съ нѣкоторою безпечностію отвѣчать на несправедливыя обвиненія. Въ послѣднюю половину моего заключенія въ равелинѣ я совершенно покорился воли провидѣнія и въ твердомъ упованіи на Бога разсуждалъ, что я себя своею защитою не спасу, и чѣмъ она будетъ слабѣе, тѣмъ милость господня, въ случаѣ моего спасенія, явится яснѣе. Эта мысль почти всегда владѣла мною, когда я долженъ былъ писать отвѣты.

Подъ вліяніемъ ея, я и теперь отвѣчалъ только на сдѣланный мнѣ вопросъ касательно другаго лица и не хотѣлъ опровергать несправедливости, которая была сказана обо мнѣ и которая была уже, какъ было видно изъ смысла бумаги, принята какъ дѣло рѣшенное, но на счетъ котораго отъ меня не требовалось никакого и прежде свѣденія, такъ что я удивился, увидѣвъ, что я признанъ въ томъ виновнымъ. Рылѣевъ, узнавъ, что я получилъ запросъ, прислалъ меня спросить о чемъ дѣло? я его увѣдомилъ, и онъ отвѣ

чалъ, что оно ему извѣстно. Наконецъ началъ проникать ко мнѣ въ тюрьму слухъ, что дѣло наше не кончится комитетомъ, но что насъ будутъ судить въ сенатѣ. Солдаты между тѣмъ, стерегшіе насъ, увѣряли, что все хорошо для насъ кончится; что въ бывшемъ 14-го Декабря происшествіи самъ императоръ съ главными лицами виновать, и ему нельзя насъ наказывать. 5-го Іюня подали мнѣ мой мундиръ и повели въ комендантской домъ; въ комнатѣ, въ которую ввели меня, я нашелъ новыя лица, сидѣвшія за круглымъ столомъ: по срединѣ графъ Головкинъ, по правую его руку кн. С. Н. Салтыковъ и передъ нимъ лежала толстая связка бумагъ; по лѣвую руку графа сенатора Барановъ, и Бенкендорфъ не много отъ всѣхъ поодаль. Барановъ спросилъ меня: „отвѣты, писанные вами въ комитетъ, всѣ-ли писаны собственною вашею рукою“? Князь Салтыковъ молча показалъ на кипу предъ нимъ лежавшую. Я отвѣчалъ, что я свои отвѣты всѣ писалъ самъ своею рукою.

Барановъ. И такъ не угодно-ли вамъ это подписать. Написали записку, которую подалъ мнѣ Бенкендорфъ съ особенною учтивостью, всталъ и принесъ мнѣ стулъ. Я сѣлъ

и подписалъ поданную записку, которая заключала сказанный мною отвѣтъ, и меня тотчасъ отпустили*). Послѣ этого дня я оставался въ ожиданіи суда, какъ вдругъ 10-го числа пришли за мной рано по утру и повели меня въ комендантской домъ. Я нашелъ его наполненный часовыми, а въ комнатѣ, въ которую меня ввели, Артамона, Муравьева и князя Барятинскаго. Я удивился, увидѣвъ себя въ ихъ обществѣ, ибо полагалъ, что ничего не имѣю съ ними общаго. За мной вслѣдъ вошли два брата Борисовыхъ, которыхъ я ни лицъ, ни именъ, ни участія не зналъ. Удивленіе мое возросло. Муравьевъ, какъ скоро увидѣлъ меня, сказалъ мнѣ: „Какъ я счастливъ, что я съ тобою!“

Я. А я нисколько не радуюсь твоему счастью.

Муравьевъ. Это значитъ, что моя судьба будетъ лучше, нежели я ожидалъ.

Я. А я думаю, что ты жестоко ошибаешься.

*) Нѣкоторыя лица изъ подсудимыхъ объявили, что отвѣты ихъ были вынуждены насильственными мѣрами: голодомъ, закованіемъ въ желѣза, и т. п. Посланъ былъ къ нимъ священникъ упрашивать, чтобы они взяли назадъ это показаніе, и онъ въ томъ успѣлъ.

Муравьевъ. Нѣтъ, и я тебѣ скажу почему. Государь писалъ къ твоей женѣ, что онъ участь твою облегчить. Я это знаю отъ жены, которая получила, еще будучи въ Ахтыркѣ, письмо отъ гр. Самойловой, которая ей это писала.

Я. Я не вѣрю, чтобы это была правда.

Муравьевъ. Я тебя увѣряю, что это точно было.

Тутъ я спросилъ Муравьева: Кто были тѣ лица, о которыхъ я не имѣлъ никакого понятія; онъ отвѣчалъ, что не знаетъ. Барятинскій сказалъ мнѣ послѣ, что Борисовы; но это мнѣ ничего не разъяснило. Я дивился, что я не вижу никого изъ тѣхъ, съ которыми ожидалъ быть. Наконецъ пришелъ князь Оболенской, и я увидѣлъ, что комната возлѣ насъ наполнилась разными мундирами. Между тѣмъ въ нашу вошли еще лица мнѣ неизвѣстныя, но ни Рылѣва, ни Пестеля не было.

Вдругъ входитъ священникъ; я къ нему подошелъ, онъ меня отвелъ къ окошку. Я его спросилъ, что это все значитъ? Онъ отвѣчалъ, что будутъ намъ читать приговоръ и что мы осуждены въ работу. Я изъясилъ ему удивленіе, что не вижу Рылѣва, Пестеля и другихъ, кромѣ Оболенскаго; онъ сказалъ:

„Не пугайтесь того, что я вамъ скажу. Они будутъ приговорены къ смертной казни и даже ихъ поведутъ; но они будутъ помилованы. Я хотѣлъ васъ предупредить“.

Меня обступили, хотѣли знать, что сказалъ ушедшій священникъ. Между тѣмъ всѣ назначенные въ эту комнату собрались. Это были, кромѣ меня и пятерыхъ вышепоимянованныхъ, еще майоръ Спиридовъ, Бечасный, Якубовичъ и Вадковскій. Спустя нѣкоторое время насъ повели, и я къ удивленію своему увидѣлъ себя поставленнаго предъ многочисленнымъ собраніемъ важнейшихъ государственныхъ чиновъ. Въ большомъ залѣ комендантскаго дома былъ поставленъ покоемъ огромный столъ. За нимъ сидѣли члены совѣта, сенаторы, митрополиты, и разные первыхъ чиновъ люди и принадлежавшіе къ симъ государственнымъ мѣстамъ. Всѣмъ не достало мѣста за столомъ; многіе были сзади въ глубинѣ комнаты. Торжественно прочли каждому изъ насъ, начиная съ меня, сентенцію Верховнаго Уголовнаго Суда (такъ названнаго). Всѣ мы были приговорены имъ къ отсѣченію головъ, которая казнь императоромъ уменьшена и измѣнена въ осужденіе вѣчно на каторжную работу. Мнѣ суждено

было переходить отъ удивленія къ удивленію. Я не зналъ, что есть судъ надо мною; теперь узналъ, что онъ уже и осудилъ меня. Я думалъ, что если будутъ судить меня, то или особою комиссіей, или въ сенатѣ; теперь узналъ, что установленъ для этого Верховный Уголовный Судъ изъ синода, совѣта, сената и присоединенныхъ къ нимъ различныхъ особъ. Я думалъ, что меня осудятъ за участіе въ бунтѣ; меня осуждали за царевубійство. Я готовъ былъ спросить: Какого царя я убилъ или хотѣлъ убить?

Насъ увели уже не въ тѣ казематы гдѣ мы прежде сидѣли, но въ кронверкскую куртину. Мнѣ достался № 23, пять шаговъ въ длину и три въ ширину; во всю длину проходила сквозь окно надъ головою желѣзная труба изъ печи, стоявшей въ глубинѣ каземата, отъ котораго былъ отгороженъ мой номеръ. Скоро услышалъ я вокругъ себя человѣческіе голоса и нѣкоторые знакомые; потомъ изъ за перегородки возлѣ меня вопросы сосѣда, желавшаго знать кто въ его сосѣдствѣ. Я не могу выразить, какое чувство радости овладѣло мною при этомъ слухѣ и отъ того, что я могу наконецъ разговаривать съ подобными себѣ. Я узналъ, что сосѣдъ мой Ве-

деняпинъ, приговоренный на поселеніе въ Сибирь. Мы разговаривали до глубокой ночи. Надобно однакожь было лечь спать; но я не могъ имѣть отдыха; крупныя блохи заѣли меня и только въ 4-мъ часу, отъ сильной усталости, я могъ заснуть не надолго. Насъ разбудили, велѣли одѣваться. Мы услышали шумъ у нашихъ оконъ, звукъ цѣпей, людей проходящихъ; послѣ узнали, что это были пять нашихъ товарищей, осужденныхъ на смерть, которыхъ за ранѣ вывели къ приготавливающейся для нихъ висѣлицѣ. Сосѣдь мой предостерегалъ меня, чтобъ я не надѣвалъ орденовъ и не застегивалъ мундирнаго воротника на крючки, потому что онъ узналъ отъ служителя, что ихъ будутъ съ насъ срывать. Я не хотѣлъ послѣдовать его совѣту. Когда разсвѣло, насъ вывели и поставили посреди солдатъ павловскаго полка, которые окружали со всѣхъ сторонъ. Здѣсь я увидѣлъ многихъ, кого не ожидалъ: Александра Николаевича Муравьева, Лунина, фонъ Визина, Краснокуцкаго, и другихъ. Послѣдній сказалъ мнѣ: „Вѣроятно тебя много спрашивали обо мнѣ, потому что я во всемъ на тебя ссылался.“ Ни въ одной бумагѣ, ниже словесно меня объ немъ никто не спра-

шиваль, и я полагаль, что онъ даже не арестованъ. Помина объ немъ не было, равно какъ и о другихъ вышепоимянованныхъ. Когда свели насъ всѣхъ вмѣстѣ, то начали выкликать для раздѣленія по роду службы. Я былъ поставленъ самъ семъ, и мы семеро были приведены предъ знамена лейбъ-гвардіи семеновскаго полка. Послѣ барабаннаго боя намъ прочли вновь сентенцію, и профось началъ ломать надъ моею головою шпагу (мнѣ прежде велѣно было стать на колѣни). Во весь опоръ прискакаль генераль и кричалъ: что дѣлаете? Съ меня забыли сорвать мундиръ. Подскакавшій былъ Шиповъ. Я обратилъ голову къ нему и видъ мой произвелъ на него дѣйствіе Медузиной головы. Онъ замолчалъ и стремглавъ ускакаль. Видъ знаменъ того полка, въ которомъ я нѣкогда служилъ, возбудилъ во мнѣ воспоминанія моей службы въ немъ, Кульма, за которую были даны знамена; я ихъ видѣлъ въ рукахъ людей, не имѣвшихъ на нихъ право, тогда какъ заслужившіе были въ гоненіи и разсѣяны по всей арміи; эта мысль возбудила во мнѣ сильное чувство негодованія. Довольнаго труда стоило профосу сорвать съ меня мундиръ, онъ такъ хорошо былъ застегнутъ; должно

было изорвать въ клочки; шпагу также не подпилили и ломая ее довольно больно, ушибли мнѣ голову. Всѣ наши dospѣхи сложены были въ костры и зажжены, а насъ одѣли въ полосатые халаты и отвели обратно въ казематы. Мы замѣтили столбы на валу одного бастіона кронверка. Это была висѣлица, которая еще не имѣла прекладины; и въ нашемъ отдѣленіи казни товарищей мы видѣть не могли, ибо прежде вошли въ крѣпость. Народа было не много. Уже въ своемъ номерѣ я узналъ отъ сосѣда своего, что нашихъ товарищей повѣсили, о чемъ онъ узналъ отъ прислуживавшаго унтеръ-офицера. Я вѣрить не хотѣлъ; но пришедшій священникъ подтвердилъ эту вѣсть. Рассказывалъ о ихъ смерти, которая его тронула до глубины души. Онъ и теперь и послѣ не могъ говорить о нихъ безъ глубокаго умиленія, особенно о Рылѣевѣ, Муравьевѣ и Пестелѣ. Послѣдній просилъ его благословенія, хотя и былъ другаго исповѣданія. У двухъ первыхъ оборвались веревки, и Чернышевъ закричалъ, чтобъ скорѣе повторили надъ ними казнь. Священникъ сказалъ мнѣ, что онъ ежеминутно ожидалъ гонца о помилованіи, и къ крайнему своему удивленію тщетно. Мысль

о казни товарищей заставила меня забыть свое положеніе; я ни о чемъ иномъ не могъ думать. Принесли мнѣ письмо отъ жены, которая увѣдомляла меня, что она вслѣдъ за мной ѣдетъ въ Сибирь. Тогда я понялъ многое, что мнѣ темно было въ ея письмахъ. Она давно къ тому готовилась, но страшилась, чтобъ я не былъ осужденъ на смерть. Она знала, что многіе требовали моей казни и нѣсколькихъ другихъ за мною слѣдовавшихъ. Говорятъ, что Николай Павловичъ не согласился на нее; можетъ быть онъ хотѣлъ сдержать то, что заставилъ меня именемъ своимъ написать къ женѣ моей „что я буду живъ“.*)

На слѣдующій день, т. е. въ четвергъ, духовникъ нашъ пришелъ пріобщать насъ всѣхъ святыхъ тайнъ. Въ пятницу, 12-го, я видѣлся съ женою моею у коменданта. Съ нею пріѣхала моя теща и оба мои братья. Этого свиданія описать нельзя. Жена впилась въ меня, братья бросились въ ноги и обнимали колѣна, и теперь при вспоминаніи ихъ любви,

*) 15 генераловъ, въ числѣ которыхъ были Головинъ и Башуцкій, ѣздили просить государя, чтобы большее число было осуждено на смерть.

слеза навертывается на глаза. Теща была также очень нѣжна и много плакала. Я возвратился въ свою тюрьму въ большомъ волненіи; часть ночи не спалъ — писалъ письмо, которое хотѣлъ отдать женѣ при первомъ свиданіи, другую часть отъ блохъ. Наконецъ изнеможеніе навело сонъ. По утру вставъ, сталъ разговаривать съ солдатомъ, какъ вдругъ кровь хлынула горломъ и пошла какъ изъ кувшина. Пospѣшно прибѣжалъ лѣкарь; далъ мнѣ всю нужную помощь. Кровь остановилась, волненіе продолжалось; но не столь сильное; слабость, овладѣла всѣмъ тѣломъ. Въ понедѣльникъ меня перевели въ № 3 Невской Куртины; мнѣ жаль было разстаться съ сосѣдомъ и съ голосами знакомыми вокругъ меня; но я былъ слишкомъ слабъ и самъ не могъ принимать участія въ разговорахъ. Въ четвергъ я всталъ съ постели и могъ сдѣлать нѣсколько шаговъ по комнатѣ довольно большой. Въ пятницу старались укрѣпить мои силы пищею и лѣкарствомъ, которымъ лѣкарь снабдилъ меня и въ запасъ. Вечеромъ велѣли приготовиться къ отъѣзду и уложить присланное платье, бѣлье, и пр., и ночью повели въ домъ къ коменданту. Я здѣсь встрѣтился съ Волконскимъ и Борисовыми, съ ко-

торыми долженъ былъ вмѣстѣ ѣхать. Камердинеръ Сукина провелъ меня въ кабинетъ своего господина, который сказалъ мнѣ, что онъ хочетъ проститься со мною, отдалъ мнѣ поклонъ отъ Маврина и сказалъ мнѣ, что я найду въ Пеллѣ жену мою, которая туда уже отправилась, что въ крѣпости онъ не могъ мнѣ дать съ нею другаго свиданія.

Потомъ, вышелъ къ намъ, объявилъ, что императоръ приказалъ отвести насъ въ Сибирь въ каторжную работу закованными. Намъ надѣли кандалы и посадили въ тѣлеги съ жандармами. Въ Пеллѣ я нашелъ жену мою и брата Александра, княгиню С. Г. Волконскую съ сыномъ. Жена сказала мнѣ, что она завтра-же за мной выѣзжаетъ; мы пробыли вмѣстѣ часа два и разстались. Свѣжій воздухъ укрѣпилъ меня, и не взирая на скорую ѣзду и тряску кибитки, я пріѣхалъ въ Иркутскъ совершенно здоровый.

